

Линь Юй с миской рыбного супа пришёл к дому семьи Цянь. Между их дворами был лишь переулок, так что расстояние было совсем маленькое.

Он остановился у ворот. Женщина в простой одежде, с заколкой из шиповника в волосах, на юбке пятна от каши. На руках у неё был мальчик, худой и бледный от голода. Линь Юй сразу вспомнил двух маленьких племянников гээра Дуна: тех воспитывали откормленными и румяными, полными сил.

Ему вспомнилось, что когда его мать была жива, он хоть и был гээром, но она заботилась о нём так же хорошо.

Во дворе Сань Нян как раз укачивала на руках маленького гээра Цина. Увидев на пороге незнакомого человека, она насторожилась.

Собравшись с духом, Линь Юй улыбнулся: “Я фулан Циншаня. Пришёл передать ребёнку немного еды”.

Услышав, что это муж Вэй Циншаня, Сань Нян поспешно подошла. Она почти всё время сидела дома и редко выходила, так что Линь Юя никогда не видела, знала только, что у соседа Вэй Циншаня появился супруг.

Её лицо оставалось скорбным, но она всё же ответила Линь Юю улыбкой. Подойдя ближе, заметила, что в его руках миска рыбного супа. Сверху плавали золотистые капли жира, бульон был молочно-белым, внутри рыбка и несколько кусочков тофу. Этого вполне хватило бы на то, чтобы накормить ребёнка.

Сань Нян была очень благодарна. Видимо, они услышали недавний разговор и потому прислали еду.

“Большое спасибо фулану Циншаня. Малыш ещё глуп, не понимает”.

Услышав шум, старуха Цянь тоже вышла из дома. Увидела, что это Линь Юй пришёл, да ещё и с чашей в руках. Нос у неё чуткий: уловив аромат, она поспешила навстречу.

“Ай-яй, да это гээр Юй пожаловал! Сань Нян, чего ж ты стоишь, скорее найди чашку, чтобы перелить!”

Рыбный суп источал такой аппетитный запах... Старуха уже прикинула: рыбу она сама съест, а тому мелкому сопляку и бульона хватит.

Сань Нян, завидев свекровь, ничего не оставалось, как прижать к себе сына и отправиться за посудой. Маленький гээр Цин, увидев еду, протянул ручки: “А-ма, рыбку! Рыбку!”

Линь Юй заметил жадность в глазах старухи Цянь — точно такой же взгляд, как у Цай Чуньхуа в день его “возвращения в дом”. По словам Вэй Циньшаня, у семьи Цянь было несколько десятков му хорошей рисовой земли, да и Сань Нянь умела ткать, так что впроголодь они не жили. Пусть мясо и не часто появлялось на столе, но чтобы ребёнка довести до такого состояния...

Он подумал, что если оставить суп здесь, малышу всё равно достанется от силы пара глотков.

“Сестрица... лучше опусти мальчика на пол”, — предложил Линь Юй.

Сань Нянь поставила отбивающегося ножками гээра Цина на землю и пошла в дом за чашками и палочками.

Малыш, едва коснувшись пола, застучал ножками и побежал к Линь Юю. Тот улыбнулся ему, присел на корточки и поманил: “Иди сюда, малыш”.

Гээр Цин остановился в шаге от него. Видно было, что побаивается, но еду всё же хотел.

Линь Юй слегка подвинул чашу: “Подойди, маленький, я тебя покормлю”.

Не устояв перед ароматом, мальчик подошёл. Линь Юй поднёс к его губам чашу и давно не пробовавший вкусного гээра Цин обхватил её своими крошечными ладошками и жадно стал пить большими глотками.

У старухи Цянь на лице улыбка тут же сползла: да этот сопляк сейчас и бульон весь выхлебаёт!

“Сань Нянь! Сань Нянь! Сколько можно тебя ждать с этой чашкой!”

Старуха Цянь боялась, что гээр Цин уже всё съест, Сань Нянь же, увидев это через разбитое кухонное окошко, нарочно задержалась: ей хотелось, чтобы гээр Цин поел побольше, для поправки сил. Лишь когда свекровь начала торопить её, она вышла.

Сань Нянь принесла чашу и палочки: “Фулан Циншаня, налей прямо в чашу”.

Линь Юй улыбнулся ей: “Сестра, дай мне палочки, я сам покормлю гээра. Такой милый малыш, он мне нравится”.

Сань Нянь поспешно передала ему палочки и благодарно взглянула на Линь Юя.

Тот взял кусочек рыбы и подал малышу. Гээр Цин ел большими кусками. Старуха Цянь фыркнула и, уходя, проворчала: “Вот воспитание, совсем без правил!”

Сань Нянь тихо поблагодарила Линь Юя. Если бы еду положили в её чашу, гээр Цин, скорее всего, не получил бы и крошки.

“Сестра, как зовут этого мальчика?” — спросил Линь Юй.

“Гээр Цин”.

“Гээр Цин такой послушный”.

“Зови меня просто Сань Нянь. Я всё больше дома за ткацким станком, редко куда выхожу, вот и не узнала тебя сразу”.

Не успела она договорить, как старуха Цян снова закричала:

“Сань Нянь! Сань Нянь! Ты что, совсем потеряла счёт времени, почему ужин ещё не готов?!”

“Сань Нянь, иди”, — сказал Линь Юй: “Я покормлю гээра Цина”.

Сань Нянь поспешно ушла готовить, иначе свекровь снова бы её отчитала.

Линь Юй осторожно выбирал кости из рыбы, чтобы ребёнок не подавился.

Вэй Циншань, видя, что его молодой супруг всё не возвращается, вышел из дома. Уже у дверей он заметил: Линь Юй присел на корточки и кормит гээра Цина.

Вэй Циншань смотрел на него, пока тот не закончил и не поднялся, тогда сказал: “Пора ужинать”.

“Иду”.

Сегодня Линь Юй приготовил на пару рис, большую миску рыбного супа с тофу и тарелку жареного с салом водяного сельдерея.

Вэй Циншань налил себе рыбного супа в рис — получилось именно так вкусно, как он и ожидал. Даже водяной сельдерея с его необычным привкусом оказался хрустящим и свежим, отлично шел с едой.

За едой они разговаривали: “Почему ты кормил гээра Цина? Приглянулся он тебе?”

“Когда я принёс рыбный суп, та старуха Цян смотрела с жадностью. Я боялся, что она отберёт

еду у гэра Цина, вот и накормил его сам”.

В уголках глаз Вэй Циншаня мелькнула улыбка — он знал, что его маленький супруг слишком мягкосердечен.

“Это как раз то, на что способна старая Цянь. Гээр Цин ведь мальчишка, вот она его и не жалуется”.

Они доели всю рыбу дочиста, а оставшимся рыбным бульоном Вэй Циншань залил рис и покормил Дахэя и Байсюэ.

Линь Юй так наелся, что даже почувствовал тяжесть и прошёлся пару кругов по двору, прежде чем вернуться.

На следующий день они рано позавтракали и ещё в предрассветных сумерках отправились в город — Линь Юй боялся, что его дикие овощи завянут.

Четыре фазана, один кролик и две больших корзины зелени — всё это Вэй Циншань прикрыл сверху рваным полотном, и они вдвоём отправились в путь.

Два фазана, пойманные вчера, были ранены, плохо ели, так что их нужно было срочно продать. Другие же два — те самые, которых Вэй Циншань нарочно оставил ещё со свадьбы — выглядели куда бодрее.

Когда они пришли в город, было ещё довольно рано. Вэй Циншань уплатил рыночную пошлину, получил деревянную табличку и вернулся. Они выбрали место посвежее, в тени, чтобы зелень не завяла на солнце.

Вэй Циншань связал лапы фазанам и поставил их на землю, а Линь Юй рядом расстелил рваную ткань и аккуратно разложил овощи по видам.

Очень скоро кто-то заинтересовался фазанами: “Сколько стоят эти фазаны?”

“Те два, что на земле, раненные, по сорок пять вэнь за штуку. А вот эти два по пятьдесят”, — ответил Вэй Циншань.

“Да они же побитые, за что так дорого? Сделай дешевле”.

“Всё равно ведь есть их одинаково. Только вид у раненых похуже”, — Вэй Циншань уступать в цене не хотел, снизишь одному, а следующий тоже попросит: “Давайте так: если возьмёте, я в придачу дам вам пучок зелени, что мой супруг нарвал”.

Покупатель тогда выбрал самого большого, по его мнению, фазана и, уходя, прихватил у Линь Юя пучок сянчуня.

Когда удалось продать одного фазана, Линь Юй был очень доволен. Его пучки водного сельдерея лежали аккуратными рядами, рядом душистые побеги сянчуня и дикий папоротник.

Утром на рынок вышли покупать продукты женщины и фуланы, они, завидев зелёный, сочный сельдерей, сразу подошли поинтересоваться. Ведь весенние овощи ещё не успели, а такая дикая зелень могла разнообразить вкус — это было очень кстати.

Линь Юй и цену поставил не слишком высокую: два вэнь за пучок сельдерея, три за побеги сянчуня. Подходило немало людей, чтобы купить. Впервые оказавшись в окружении такого количества покупателей, Линь Юй смутился и покраснел, а Вэй Циншань стоял рядом и помогал продавать.

Если попадались слишком придирчивые, желавшие перебирать и выбирать, Вэй Циншань просто отказывался продавать. Ведь вся зелень была самой свежей и нежной, а они хотели “обломки” выскивать — как же так? Только портить хороший товар.

С помощью Вэй Циншаня торговля у Линь Юя шла очень успешно. Они привлекли и многих интересующихся фазанами и кроликом. Ещё не успело дойти до полудня, а почти всё, что они принесли, уже было продано.

Фазаны и кролик Вэй Циншаня ушли быстро, у Линь Юя же осталось немного зелени — в основном та, что была перебрана и слегка подвявшая.

К прилавку подходили отдельные прохожие, спрашивали цену. Линь Юй уже перестал нервничать после утренней суеты. Хотя голос у него был тихим, но отвечал он ясно и уверенно.

Вдруг он заметил посреди улицы женщину с ребёнком. Ребёнку явно надоело идти, он утомился так, что едва держался на ногах, а женщина держала в руках свёрток ткани и могла лишь вести его за руку.

“Сань Нянь”, — негромко окликнул Линь Юй.

Сань Нянь обернулась и увидела у края дороги Линь Юя и Вэй Циншаня. Подойдя, она, прижимая ткань к груди, сказала: “Циншань, фулан Циншаня, вы сегодня тоже пришли продавать?”

“Да, Циншань принёс немного дичи”, — ответил Линь Юй.

Сань Нянь перекинулась парой слов и уже собиралась уходить. Она немного помялась, но так и не решилась заговорить. Зато её мальчик, гээр Цин, вдруг разрыдался: “А-мама, я устал, я не

хочу идти, у-у-у!”

Сань Нян присела, утешая: “Гээр Цин, будь послушным. Вот продаст мама ткань, и мы сразу пойдём домой”.

“Не хочу! Гээр Цин не хочет идти, ножки болят, у-у-у!”

Сань Нян не могла успокоить плачущего сына. Линь Юй тоже присел рядом, помогая уговаривать: “Не плачь, не плачь. А хочешь, подождёшь здесь со мной, пока мама вернётся? Хорошо?”

Гээр Цин посмотрел на свою мать: “Хочу остаться”.

Сань Нян с виноватым видом сказала: “Тогда побеспокою гээра Юя присмотреть за ним немного. Я продам ткань и сразу вернусь”.

Линь Юй кивнул. Всего лишь маленький ребёнок — ничего страшного.

Сань Нян поблагодарила и ушла. Каждый раз, как она заканчивала ткать кусок полотна, нужно было идти в город продавать, но свекровь отказывалась присматривать за ребёнком. Поэтому Сань Нян всегда вынуждена была брать гээра Цина с собой. Тащила в руках ткань, вела за собой сына, останавливаясь то и дело, и только так добралась до города.

Гээр Цин был ещё маленьким, она могла лишь немного нести его на руках, потом заставляла идти самого. В городе он всё время следовал за ней, пока та искала покупателей, и, конечно, быстро выбился из сил.

Теперь, когда нашёлся человек, который мог присмотреть за ним, Сань Нян поспешно взяла ткань и отправилась искать покупателей.

Линь Юй присел на корточки и вытер слёзы гээру Цину. Трёхлетний мальчик был очень худеньким и, устав, уселся прямо на ткань, перестав двигаться.

Вэй Циншань поднялся и сказал: “Я пойду куплю чашку сладкой воды, скоро вернусь”.

Линь Юй кивнул. Они уже полдня продавали товар и даже глотка воды не выпили, действительно пить хотелось.

Вэй Циншань направился к чайной палатке у дороги. В толпе он заметил знакомую фигуру. Они шли навстречу друг другу. Чжао Чжунь тоже увидел его, лицо на миг окаменело и он поспешил улизнуть.

Вэй Циншань увидел в его руках пакет с лекарствами. Должно быть, брал для Чжао Дачжи, того самого... Кто знает, как там у него дела. Вэй Циншань направился в аптеку разузнать.

Он выложил десять медяков и купил немного красных фиников. Пока приказчик взвешивал, он спросил: “А что это за лекарство тот мужчина только что брал? Это мой дядя, я не успел за ним, что у него стряслось?”

“А, вы про него?” — ответил приказчик: “Для сына лекарства брал. С утра вызывал нашего лекаря в деревню. Тот поглядел, ну и что вы думаете? Понабирал в своей деревне дешёвых трав, а сын-то простудился куда серьёзнее. Вот и довёл. Теперь без пары-тройки лян серебра не обойдётся, иначе не вылечить”.

Вэй Циншань, взяв финики, вышел.

Так ему и надо. Тот Чжао Дачжи был трусливым ничтожеством. Осмелился обидеть его фулана — получил по заслугам.

Вэй Циншань не собирался рассказывать Линь Юю. По дороге он купил две чашки сладкой воды и несколько пирожков и вернулся.

<http://bllate.org/book/15725/1407299>